

центром международной торговли. Золото шло на приобретение товаров повседневного спроса или предметов роскоши, в производстве которых Португалия отставала. Страна, через которую струился золотой поток, оставалась бедной. Не зря современники называли ее «оборванцем в золотой короне».

Символом Португалии этого времени могут служить Капеллаш Имперфейташ (Незаконченные Часовни) — часть собора монастыря Баталья. Это задуманное с большим размахом роскошное архитектурное сооружение, на которое очень скоро не стало хватать денег и которое навечно осталось своеобразным памятником тех времен.

В то же время непрерывный приток больших богатств в королевство делал ненужной инициативу ее жителей в любой из областей, за исключением связанных с заморскими владениями. Бесмысленно было в поте лица обрабатывать земельный надел, гнуть спину в мастерской или зарабатывать гроши на поденной работе, когда с прибытием в Лиссабон корабля из колоний монеты швырялись направо и налево, цены на продовольствие и вино взлетали до небес. Жители Лиссабона на продаже морякам необходимых им мелочей, вина, хлеба и прочего получали огромные деньги, а затем в бездействии и полудреме ожидали прибытия следующего корабля с сокровищами. Разумеется, это относится не ко всем, но значительная часть обитателей портовых городов — Лиссабона, Перту, Лагуша — действительно жили от корабля до корабля.

Экспансия имела и другие отрицательные последствия, среди которых первенство за эмиграцией. Не только преступники, высланные за пределы страны, находились на борту кораблей, устремившихся в заокеанские дали, но и те, кого манили свобода и возможности сказочно быстрого обогащения в чудесных заморских странах. Несомненно, что и в том и в другом случае это были наиболее социально активные люди. Абсолютно точных цифр эмиграции нет. Однако полагают, что в 1450—1505 гг. выезжало примерно 750 человек в год, т. е. за полвека более 41 тыс. человек покинули страну. По другим подсчетам, менее чем за столетие выехало 280 тыс. человек⁷. Сопоставив эти цифры с численностью населения Лиссабона, которая в конце XVI в. составляла 120 тыс. человек, можно легко убедиться, что страна нищала и людьми.

Нет никаких сомнений в приоритете экономических, социальных и политических факторов заморской экспансии. Но было бы несправедливо необычайный взлет на-